

СТАТЬЯ ДВАДЦАТАЯ (*).

Противъ Валентиніанъ (**).

I. Валентиніане, многочисленная секта между еретиками, набирая себѣ сообщниковъ изъ отступниковъ отъ истины, охотно склоняются къ баснословію и тѣмъ ни кого не приводятъ въ изумленіе. Они ни о чемъ столько не пекутся, какъ сокрыть то, что проповѣдуютъ, если только можно назвать проповѣдію скрытное ученіе: Тьма, которою они себя окружаютъ, есть предосторожность, явно ихъ обличающая. Они обнаруживаютъ свое смятеніе, когда хотятъ поддерживать мнимую религію свою.

Подобнымъ образомъ безмолвіе, прикрывающее Элевзинскія таинства, родъ раскола въ самомъ греческомъ суевѣріи, обращается самымъ симъ таинствамъ въ стыдъ и поношеніе. Они предписываютъ строгія испытанія, требуютъ долговременнаго ожиданія быть посвященными, налагаютъ печать молчанія на уста, опредѣляютъ пять лѣтъ для искуса, дабы привлечь къ себѣ болѣе уваженія, отсрочивая познаніе дѣла, и возвысить величіе таинствъ, возжигая пожеланіе. Потомъ наступаетъ долгъ безмолвія. Тщательно ста-

(*) Писана въ 208 году по Р. Х.

(**) Статья эта кажется извлечена *Тертуліаною* изъ творенія, написаннаго прежде его о семъ же предметѣ Священно-мученикомъ *Иринеемъ*, Епископомъ Ліонскимъ.

раются они сохранить то, что поздно полагають открыть. Но къ чему стремятся эти вздохи кандидатовъ, эта печать молчанія на устахъ, это божество, пребывающее въ святилищѣ? Къ открытію эмблемы чело-вѣческой возмужалости. Аллегорическое истолкованіе, пользуясь почтеннымъ именемъ природы, прикрываетъ святотагство подъ образомъ фигуры, и оправдываетъ себя отъ упрека во лжи обожаемымъ призракомъ.

Такъ точно поступаютъ и еретики, съ которыми мы теперъ имѣемъ дѣло. Прикрывая свои суетные и постыдные вымыслы священными именами и доводами Религіи, употребляя притомъ во зло тройственность Божественныхъ лицъ, и полагая, якобы отъ нѣсколькихъ Боговъ происходятъ многіе, Валентиніане учредили у себя собственные Элевзинскія таинства, и увѣряютъ легковѣрныхъ благочестивыхъ людей, что они священны по причинѣ глубокаго безмолвія, хотя впрочемъ ничего въ нихъ пѣтъ почтеннаго, кромѣ обязанности молчать. Спроси ихъ о чемъ либо откровенно: они примутъ строгій видъ, наморщатъ лобъ, и возгласятъ: «о глубина!» Войди съ ними въ ближайшій разговоръ: они утонченно и двусмысленно стапугъ утверждать, что ихъ вѣра общаа со всѣми. Если замѣтятъ они, что ты ихъ проникъ: то будутъ отрекаться ото всего. Если ты приступишь къ нимъ съ большею пастойчивостію: то они притворятся легковѣрными простаками. Они тайны своихъ не открываютъ даже и своимъ ученикамъ, пока въ нихъ не увѣрены. Они обладаютъ искусствомъ прежде убѣждать, нежели научать. Но истина убѣждаетъ, научая; а не научаетъ убѣждая.

II. Потому-то они обыкновенно упрекають насъ въ простотѣ, какъ будто бы нельзя уже быть вмѣстѣ

и простымъ и мудрымъ, и какъ будто бы мудрость чужда простоты, тогда какъ Господь соединяетъ ихъ между собою, говоря: *«будите мудри яко змія, и цѣли (просты) яко голубіе (Матѣ. X. 16).»* Стало быть если мы безумны, потому что просты: то и противники наши должны быть просты, потому что мудры. Кто не простъ, тотъ нечестивъ. Кто не мудръ, тотъ безуменъ. Между тѣмъ, если бы предлежало сдѣлать выборъ, я предпочелъ бы порокъ менѣе важный, потому что лучше мало знать, нежели слишкомъ много знать, лучше самому обманываться, нежели другихъ обманывать. *«Мудрствуйте о Господѣ въ благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите Его (Прем. Сол. I. 1),* говорить Премудрость, но премудрость не *Валентинова*, а *Соломонова*. Во вторыхъ истинныя дѣти засвидѣтельствовали кровію вѣру свою во Иисуса-Христа. Люди, вопившіе: *распи, распи Его!* безъ сомнѣнія были не дѣти, и не иѣмые, то есть, не были простые люди. Да и Апостоль повелѣваетъ намъ быть дѣтьми по Богѣ, изъясняясь такъ: *«злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте (I. Коринѣ. XIV. 20).»* Такимъ образомъ доказано, что прямая мудрость проистекаетъ отъ простоты. Словомъ сказать, голубь всегда служитъ прообразованіемъ Иисуса-Христа, а змія (діаволь) является только для того, чтобъ искушать Его. Стало быть простота одна въ состояніи познать и заявить Бога; а мудрость сама по себѣ легко можетъ преслѣдовать Его и измѣнить Ему.

III. Пускай змія скрывается, какъ можетъ, пускай оборотами и извилинами своими утомляетъ мудрость свою, углубляется въ подземныя мѣста, погружается въ мрачныя убѣжища, завертывается въ тмочисленные изгибы колець своихъ, никогда явно не

показываясь, и не терпя ни дня ни свѣта. Нашъ голубь обитаетъ во святилищѣ простоты, пребывая всегда на возвышенномъ мѣстѣ, и озаряя каждаго свѣтомъ своимъ. Образъ Духа Святаго любитъ сіяніе востока, который есть образъ Иисуса-Христа. Истина ничего не стыдится, развѣ только того, когда бываетъ не открыта. Да и кто въ самомъ дѣлѣ постыдится слышать и почитать за Бога того, кого сама природа ему открываетъ, чье присутствіе онъ вседневно ощущаетъ въ Его дѣяніяхъ, кого онъ не вѣдаетъ только тогда, какъ не признаетъ Его единымъ, какъ считаетъ Его множественнымъ, какъ обожаетъ Его въ Его тваряхъ? Отвергать множество боговъ для того, чтобы на мѣсто ихъ ввести множество другихъ боговъ, обратить вѣрующихъ отъ семейственной власти къ власти неизвѣстной, отъ видимаго господства къ господству сокровенному, значить тоже, что вооружить естественное вѣдѣніе противъ вѣры. Распрашивая объ источникѣ подобныхъ басней, не подумаешь ли ты, что слышишь рассказы кормилицы въ твоемъ дѣтствѣ о черномъ котѣ и проч? Кто имѣетъ понятие о вѣрѣ, тотъ, услышавъ обо всѣхъ именахъ *Эоновъ* (боги Валентиніанъ), обо всѣхъ ихъ бракахъ, порожденіяхъ, смертяхъ, происшествіяхъ, счастіи и несчастіи ихъ божества, столь мелко раздробленнаго, конечно не усомнится признать все это за сущія басни и за тѣ *безконечныя родословія* (1 Тимоѳ. I. 4), которые осудилъ уже духъ Апостола прежде, нежели еретическія эти сѣмена начали проявляться. Такимъ образомъ, чуждаясь простоты и руководствуясь мнимою мудростію, справедливо поступаютъ эти люди, когда, пораждая съ трудомъ и защищая коевенно подобныя небылицы, не передаютъ ихъ вполнѣ собственнымъ даже ученикамъ, потому что онѣ или постыдны, когда

предлагаются ухищренно, или противны понятію чело-
вѣческому, когда бы даже были и уважительны. Ско-
лько однакожъ мы ни просты, но намъ все извѣ-
стно. Снмъ - то первымъ оружіемъ мы и воспользуем-
ся, чтобы, приступая къ дѣлу, прежде всего обли-
чить ихъ совѣсть, а потомъ уже одержать надъ ними
побѣду; ибо обнаружить то, что съ такимъ усиліемъ
скрывается, тоже самое есть, что уничтожить его.

IV. Еще повторяемъ, что намъ вполне извѣстно
ихъ происхожденіе. Мы знаемъ, почему даемъ имъ
имя Валентиніанъ, хотя они въ томъ и не сознаются.
Правда, что они удалились отъ своего основателя; но
тѣмъ не уничтожили своего отъ него происхожденія,
и если случайно что измѣнили, то это самое измѣне-
ніе и служитъ противъ нихъ свидѣтельствомъ. *Вален-*
тинъ надѣялся получить Епископство, потому что
имѣлъ дарованіе и краснорѣчіе. Вознегодовавъ, что
другой, по праву мученичества, удостоенъ сего званія,
онъ пагло отторгся отъ Церкви, исповѣдующей ис-
тинную вѣру, и послѣдуя примѣру людей, томящихся
жаждою мщенія для пріобрѣтенія почестей, употре-
билъ всѣ силы свои къ тому, чтобъ испровергнуть
истину. Нашедши корень одного древняго мнѣнія,
онъ проложилъ дорогу *Коларбазу*. Явился потомъ
Птоломей, который, обозначивъ имена и числа Эоновъ,
обратилъ ихъ въ личныя сущности, но поставилъ внѣ
Бога, вмѣсто того что *Валентинъ* включилъ ихъ въ
сущность божества подъ названіемъ ощущеній, склон-
ностей и движеній. *Геракліонъ*, *Секундъ* и волхвъ
Маркъ, распространили ученіе сіе нѣсколько и съ
своей стороны. *Теотимъ* занимался особенно призра-
ками закона. Посему теперь нѣтъ почти уже и рѣчи
о *Валентинѣ*. За всѣмъ тѣмъ еретики эти именуют-
ся Валентиніанами, потому что начало свое воспріяли

со времени *Валентина*. Одинъ только *Аксіоникъ* въ *Аптіохіи* доселѣ поддерживаетъ память *Валентинову* во всей строгости правилъ его. Впрочемъ эта ересь пріемлетъ столько же разныхъ видовъ, сколько безпутная женщина обыкновенно измѣняетъ свое лице и платье. Да и почему не такъ? Еретики въ каждомъ изъ своихъ собратій находятъ свое духовное сѣмя. Выдумавъ какую либо новость, они тотчасъ называютъ откровеніемъ то, что одна только есть догадка, священнымъ даромъ то, что только есть человѣческое изобрѣтеніе, разнообразіемъ то, что составляетъ единство. Вотъ почему, не говоря объ обыкновенномъ ихъ притворствѣ, мы усматриваемъ, что большая часть изъ нихъ между собою раздѣлены. Объ извѣстныхъ предметахъ они даже откровенно вамъ скажутъ: «это не такъ; я понимаю это иначе; я этого не принимаю.» Да и подлинно виды устанавливаемыхъ ими правилъ подновляются разнообразіемъ, которое часто пріемлетъ даже прикрасы невѣжества.

V. Я намѣренъ вооружиться противъ коренныхъ догматовъ первоначальныхъ учителей, а не противъ лицемѣрныхъ вождей учениковъ, блуждающихъ по своему произволу. Не думая, чтобы кто могъ насъ упрекнуть въ своевольной выдумкѣ предметовъ, которые излагали и опровергали мужи святые и просвѣщенные, не только предшественники, но и современники ересіарховъ, каковы суть: *Иустинъ*, философъ и мученикъ, *Милціадъ*, поборникъ церкви, *Ириней*, ученый послѣдователь всѣхъ подобныхъ ученій, нашъ *Прокулъ*, дѣвственникъ до глубокой старости, честь и слава Христіанскаго краснорѣчія. Далъ бы Богъ, чтобы я поравнялся съ ними въ отношеніи какъ къ прочимъ подвигамъ вѣры, такъ и къ подлежащему мнѣ труду. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ереси не существо-

вали, такъ что надлежало бы обвинять въ изобрѣтеніи ихъ тѣхъ, кто ихъ опровергаетъ: въ такомъ случаѣ Апостоль, предвозвѣстившій ихъ, сказалъ бы неправду. Но нѣтъ! онѣ существуютъ, и существуютъ именно въ тѣхъ видахъ, какъ предъявлены. Да и кто столько имѣетъ празднаго времени, чтобы заниматься выдумками, имѣя готовые матеріалы?

VI. Чтобы странными, чудными, двусмысленными, своевольно выдуманнми именами не омрачить ума, я долженъ предупредить, какимъ образомъ стану употреблять эти имена, полагая въ сей статьѣ заяться однимъ только изложеніемъ, а не опроверженіемъ сей таинственной путаницы. Нѣкоторыя изъ сихъ именъ, будучи заимствованы изъ Греческаго языка, не имѣютъ тождественнаго значенія ни въ какомъ другомъ языкѣ; другія принадлежатъ къ особому роду; иныя наконецъ болѣе употребительны. Такимъ образомъ, мы будемъ заимствовать по большей части Греческія слова и присовокуплять иногда къ нимъ нѣкоторыя объясненія, дабы кто не сбился съ толку. На сей разъ я отлагаю всякую прямую борьбу, и удовольствуюсь, какъ уже сказалъ, однимъ только изложеніемъ; однакожъ, гдѣ безразсудство ученія заслужитъ порицаніе, тамъ не буду чуждаться поверхностнаго и быстрого обзоренія.

Представь себѣ, читатель, что ты присутствуешь на какой-либо стычкѣ прежде сраженія. Я обозначаю удары, но не стану далеко углубляться. Если что возбудитъ въ тебѣ смѣхъ: то это будетъ знакомъ, что ты отдаешь справедливость подобнымъ нелѣпостямъ. Многія изъ нихъ и не заслуживаютъ другаго опроверженія: всякой дѣльный отвѣтъ могъ-бы только придать имъ болѣе важности. Смѣшное естественно ведетъ къ суетнымъ поятіямъ. Но и самой истины.

иногда прилично смѣяться, потому что она не чужда веселости; прилично ей шутить на счетъ своихъ враговъ, потому что она увѣрена въ своей силѣ. Надлежитъ только избѣгать, чтобы смѣхъ ея не возбудилъ въ комъ неумѣстнаго злорѣчія. Впрочемъ смѣхъ, гдѣ онъ приличенъ, тамъ исполняетъ свою обязанность. Приступаю къ дѣлу.

VII. Латинскій поэтъ *Эний*, первый сказалъ, что трапезы небесныя безпредѣльны, по причипѣ-ли огромности мѣста, гдѣ онѣ совершаются, или потому, что читалъ въ *Гомеръ* о празднествахъ, даваемыхъ тамъ Юпитеромъ. Но еще удивительнѣе то, сколько вершинъ на вершины, возвышеній на возвышенія, наши еретики нагромоздили, навѣсили и нацѣпляли въшебѣ, чтобы составить обиталище каждому изъ своихъ боговъ. Эти трапезы, приписываемыя *Эниемъ* нашему Создателю, расположены въ видѣ небольшихъ помѣщений, украшены балконами поэтажпо и раздѣлены для каждаго бога столькими лѣстницами, сколько произошло ересей. Міръ сдѣлался настоящею купеческою конторою. Видя столько тысячъ ступеней на небѣ, ты бы назвалъ все это благополучнымъ какимъ либо островомъ. Но гдѣ онѣ? Это неизвѣстно. Тутъ-то обитаетъ богъ *Валентиніанъ* какъ-бы на чердакѣ подъ кровлею. Въ отношеніи къ сущности его, они его называютъ *совершеннымъ Эономъ*, а въ отношеніи къ лицу *Проархомъ*, *Археомъ* или *Битосомъ*, приписывая ему послѣднее слово такое, которое нисколько не прилично тому, кто живетъ въ высотѣ. Они провозглашаютъ его безначальнымъ, безпредѣльнымъ, безконечнымъ, невидимымъ, вѣчнымъ, какъ будто-бы опредѣлять его такимъ, каковъ онъ по ихъ понятіямъ долженъ быть, значило доказать, что онъ дѣйствительно

таковъ, и получить чрезъ то право говорить, что онъ всегда былъ таковъ, и предшествовалъ всѣмъ вещамъ. Я требую, чтобы ты прямо мнѣ доказалъ его существованіе, и тутъ-же замѣчаю, что боги твои, представляемые мнѣ предшественниками всѣхъ вещей, на самомъ-то дѣлѣ являются послѣ всѣхъ вещей, и притомъ такихъ вещей, которыя имъ не принадлежать.

Но быть такъ! этотъ *Битосъ* въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ пребывалъ прежде въ тишинѣ и въ ненарушимомъ покоѣ миролюбиваго, или лучше сказать безсмысленнаго божества, однимъ словомъ пребывалъ такимъ, какимъ повелѣлъ ему быть *Эпикуръ*. Между тѣмъ, выставляя сего бога за единого, они придаютъ ему въ союзѣ съ нимъ другое лице, именуемое ими *Харисъ* или *Сиге*. Новое безразсудство! Они исторгаютъ его изъ столь блаженнаго состоянія, дабы онъ изъ самаго себя извлекъ основное начало всѣхъ вещей. Начало это вселяетъ онъ въ пѣдра своей *Сиге*, и она дѣлается беременною. Тотъ, кого она родитъ, называется *Нусъ*, совершенно подобный отцу своему, и во всемъ ему равный. Онъ одинъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всю безпредѣльность и все непостижимое величіе отца. Почему и самъ онъ наименованъ отцемъ, началомъ всѣхъ вещей, и, собственно сказать, *единороднымъ*, хотя впрочемъ слово это тутъ не свойственно, потому что онъ былъ не единственный сынъ. Послѣ него родилась еще женщина, по имени *истина*. Не лучше ли бы было назваться ему *первороднымъ*, а не *единороднымъ*, потому что онъ первый, но не одинъ, произведенъ на свѣтъ? Такимъ образомъ *Битосъ*, *Сиге*, *Нусъ* и *Истина*, какъ первая *квадрига* (*), въ которую запряглась секта Валентині-

(*) Двуколесная колесница, запряженная четырью лошадьми.

анъ, была источникомъ началомъ и происхожденіемъ всѣхъ другихъ подобныхъ боговъ.

Иусъ, какъ скоро получилъ способность раждать, производить *слово* и *жизнь*, изъ которыхъ послѣдняя видно дотолѣ не существовала и въ *Битость*. Но какъ полагать, чтобы жизни не было въ Богѣ? Эта новая дѣвица, сотворенная на тотъ конецъ, чтобы положить начало *всеобщности* и усовершенить *Плерумъ* (жилище Эоновъ), съ своей стороны раждаетъ и воспроизводитъ *человѣка* и *церковь*. Вотъ тебѣ и *Осмерица*, двойная *Четверица*, происшедшая отъ совокупленія мужескаго и женскаго пола: это житница первоначальныхъ Эоновъ, зачало братскихъ супружествъ между богами Валентиніанъ, источникъ всей святости и велелѣпія сей ереси; а лучше сказать, это скопище злодѣяній или боговъ, никому неизвѣстныхъ, это зародышъ всего послѣдующаго плодоносія.

VIII. Вторая четверица *слово*, *жизнь*, *человѣкъ* и *церковь*, не укосила также воздать должную почесть отцу. Желая принести отцу отъ себя что либо сообразно съ числомъ своимъ, они произвели другіе плоды отъ союза двойственной своей природы, и слѣдовательно отъ взаимнаго совокупленія. Съ одной стороны *слово* и *жизнь* производятъ на свѣтъ вдругъ десять Эоновъ, а съ другой *человѣкъ* и *церковь* порождаютъ сверхъ десяти еще двухъ, то есть двѣнадцать, дабы такимъ образомъ пополнить все число тридцати Эоновъ. Имена десятиерицы слѣдующія: *Битость* и *Миксисъ*, *Агератость* и *Генозисъ*, *Автофіесъ* и *Гедоне*, *Ацинетость* и *Синкразисъ*, *Поногенесъ* и *Макаріа*. А вотъ имена и дванадесяти: *Параkletъ* и *Пистисъ*, *Патрикось* и *Эписъ*, *Метрикось* и *Агапе*, *Аинусъ* и *Синезисъ*, *Экклезіастикусъ* и *Макаріотесъ*, *Телетъ* и *Софія*. Я принужденъ объяснить здѣсь, ссылаясь на подобный

же примѣръ, чего еще не достаетъ подобнаго рода именамъ. Въ Караагенскихъ школахъ находился педантъ Латинскій риторъ, по имени *Фосфоръ*. Однажды, принявши на себя видъ храбреца, онъ сказалъ: «о сограждане! Я только что съ поля сраженія, одержалъ побѣду, принесъ вамъ счастье; я прославился, возраст, благоденствую, торжествую.» Вдругъ ученики его вскричали: ура семейству *Фосфорову!* — Тебѣ извѣстны теперь имена *Агератоса, Гедоне, Ацинета, Телета*. Что мѣшаетъ тебѣ также воскликнуть: ура семейству *Итолмееву!*

Вотъ тотъ таинственный *Илеромъ*, который составляетъ изъ полноты Божества, распредѣленнаго между тридцатью лицами. Мы увидимъ послѣ, какія преимущества получили числа: *четверица, осмерица* и *двадцать*. Между тѣмъ надобно замѣтить, что все это плодоносіе останавливается на числѣ тридцати лицъ. Видно вся сила, способность и плодотворное могущество тутъ истощились, какъ будто бы не было уже болѣе ни чиселъ, ни другихъ именъ, которыя бы какою нибудь педагогъ могъ имъ преподавать. Почему въ самомъ дѣлѣ не довести порожденій до пятидесяти или до ста? За чѣмъ оставлять въ забвеніи кормилицъ и товарищей всѣхъ сихъ боговъ?

IX. Но вотъ открывается настоящее лицепріятіе. *Нусъ* одинъ изъ всѣхъ наслаждается познаніемъ непостижимаго отца и вкушаетъ радость и веселіе, между тѣмъ какъ другіе находятся въ печали. Правда, что *Нусъ*, поколику могъ, желалъ и даже покушался сообщить другимъ то, что зналъ о величій и непостижимости отца. Но *Сиге*, мать его, тому воспротивилась, та самая *Сиге*, которая предписываетъ молчаніе еретикамъ, адептамъ своимъ, хотя они обязанность эту и возлагаютъ на счетъ отца, который, судя по

Словамъ ихъ, жаелаетъ посредствомъ того возбудить вожделѣніе. Между тѣмъ въ то время, какъ Эоны мучились внутри себя, и втайнѣ сгараши желаніемъ познать отца, злодѣяніе едва было не совершилось. Изъ двѣнадцати Эоновъ, произведенныхъ челоуѣкомъ и церковію, послѣдній, по имени *Софія*, не можетъ воздержатъ себя, устремляется отыскивать отца, безъ сообщества супруга своего *Филста*, и впадетъ въ порокъ, который хотя и объемлетъ всѣхъ другихъ Эоновъ около *Нуса*, но перешелъ собственно въ сего Эона, то есть, въ *Софію*, подобно какъ болѣзни, раждающіяся въ тѣлѣ, переливаютъ ядъ свой въ другіе члены. Между тѣмъ подъ предлогомъ любви къ отцу, она питала жестокою зависть къ *Нусу*, который одинъ наслаждался преимуществомъ отца. Когда такимъ образомъ *Софія*, желая невозможнаго, обманывалась въ своихъ ожиданіяхъ: то будучи одолѣваема трудностями, и предаваясь болѣе и болѣе вожделѣніямъ, она едва было не сгорѣла совсѣмъ отъ пламени любви и отъ розысканій объ отцѣ, едва не погибла отъ того въ сущности своей. Правду сказать, она не прервала бы своихъ розысканій, прежде нежели бы погибла, если бы по счастью не встрѣтила *Горуса*, имѣющаго ту доблесть, что онъ есть основаніе и вышній стражъ совершеннаго *Плерома*, и именуется еще *крестомъ*, *Литротеномъ* и *Карпіастеномъ*. Такимъ образомъ *Софія*, освобождаясь отъ опасности, и убѣдясь въ суетѣ своего намѣренія хотя и поздно, нашла покой, отрехшись отъ исканія отца, и произвела на свѣтъ *Энтимезисъ*, то есть, *пожеланіе вмѣстѣ съ страстію*.

X. Иные иначе мечтали о злополучіи и возстановленіи *Софіи*. Послѣ тщетныхъ усилій и по испроверженіи своихъ ожиданій, она по видимому подлигерлась безобразію, блѣдности, исхудалости и небреженія о

своей красотѣ, какъ-то и свойственно жещинѣ, оплакивающей отторгнутого отъ любви ея отца, съ пролитіемъ столь горькихъ слезъ, какъ будто бы она его дѣйствительно липилась. Послѣ того она сама собой, безъ всякаго супружескаго соитія, въ горести своей зачала и родила дочь. Вы вѣрно удивляетесь такому чуду. Но развѣ курица не имѣетъ силы рожать сама собою? Говорятъ, что птицы грифы всѣ женскаго пола, и бывають матерями безъ мужскаго участія. *Софія* сперва печалится о несовершенствѣ плода своего, потомъ боится, чтобы смерть не постигла ее; она не знаетъ, что думать о причинѣ сего происшествія, и тщательно скрываетъ свою беременность. Лѣкарствъ противъ того нѣтъ нигдѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, были ли тогда трагедіи и комедіи, изъ которыхъ бы можно было научиться, какимъ образомъ извергать или подкидывать плодъ, произведенный вопреки законовъ воздержанія? Терпя боли дѣторожденія, она подымаетъ глаза и обращается къ отцу своему. Тщетныя усилія! Силы оставляють ее: она падаетъ на колѣна, чтобы помолиться. Все родство вступается и просить за нее. *Нусъ* принимаетъ въ ней участіе болѣе другихъ. Да и почему не такъ? Не онъ ли причиною всего зла? Между тѣмъ ни одно изъ злополучій *Софій* не было бесполезно: всѣ труды ея оказались плодоносны. Дѣйствительно бѣдствія ея породили *Матерію* (вещество). *Певлжество*, *страхи* и *печали* ея производять столько же сущностей. Тогда отецъ ея, подвижный милосердіемъ, при содѣйствіи *Нуса-Единороднаго*, порождаетъ эти сущности въ женѣ мужскаго пола, и водворяетъ въ нихъ свой образъ. Валентиніане на согласуются на счетъ того, какого пола *Отець*. Они присовокупляють тутъ *Горуса*, котораго именуютъ *Метагогесомъ*, то есть, вокругъ обводящимъ, и *Горотето-*

сомъ. Черезъ него-то, говорятъ они, *Софія* была отвращена отъ непозволенаго пути, избавлена отъ бѣдствій своихъ, укрѣплена, вновь обращена къ супружеству, и наконецъ водворена въ *Плеромъ*. Что касается до ея дочери *Энтимезисъ* и спутницы ея *Страсти*: то она *Горусомъ* была изгнана, распята и исключена изъ числа *Эоновъ*. Она называется *Зломъ*, но составляетъ сущность духовную, потому что была естественное произведеніе *Эона*, хотя впрочемъ сама по себѣ есть сущность безобразная и отвратительная; ибо мать ея объяла одну только пустоту, и слѣдовательно произвела плодъ немощный, женскій.

XI. Послѣ того какъ *Энтимезисъ* была отвергнута, а *Софія* возвращена супругу своему, этотъ *Единородный*, этотъ *Нусъ*, освобождаясь отъ всякаго понеченія касательно своего отца, и желая упрочить всѣ вещи, укрѣпить *Плеромъ* и навсегда опредѣлить число его жителей, изъ опасенія, дабы впредь снова не возмутило его какое либо подобное волненіе, *Нусъ* заключилъ число это новымъ порожденіемъ *Христа* и *Духа-Святаго*: это также была мерзость совокупленія двухъ особъ мужскаго пола, или, какъ другіе говорятъ, *Духъ Святой* былъ пола женскаго, и мужескій полъ оплодотворился отъ женскаго пола (*). Эти два существа составляютъ одно божество, довершающее союзъ *Эоновъ*. Отъ такой общей обязанности того и другаго произошли двѣ школы, двѣ церкви и какъ бы основное начало распри въ ученіи *Валентиновомъ*. Долгъ *Христа* есть вразумлять *Эоновъ* на счетъ свойства ихъ связей, преподавать имъ понятіе о томъ, что кому врождено, и дѣлать ихъ способными поражать

(*). Читатель не долженъ забывать, что это мнѣніе еретиковъ. *Перев.*

въ себѣ познаніе объ отцѣ, потому что не возможно его ни объять, ни познать, ни видѣть, ни слышать иначе, какъ посредствомъ *Единороднаго*. Мы согласны, чтобъ они познавали Его такимъ образомъ, лишь бы только познавали чрезъ Сына. Но нельзя не опорочить пагубнаго ихъ ученія, состоящаго въ томъ, якобы непостижимость Отца была причиною присносущія Эоновъ, а постижимость Его побужденіемъ къ ихъ порожденію и образованію. Это предложеніе, если я не ошибаюсь, внушаетъ ту мысль, что было бы весьма выгодно, дабы Богъ не былъ понятъ, потому что необъемлемое въ Немъ служитъ причиною присносущія, а объемлемое производитъ не присносущіе, но порожденіе и случайность, чуждыя присносущія. Сынъ, говорятъ они, одинъ въ состояніи постигать отца. Но какимъ образомъ онъ постигается? Родившійся *Христосъ* тому научилъ. Относительно *Духа-Святаго*, особая обязанность его слѣдующая: бдѣть, чтобы всѣ люди, имѣя одинакую любовь къ ученію, удостоивались также одинакихъ даровъ благодати и входили въ истинный покой.

ХІІ. Всѣ Эоны равны между собою какъ по образу такъ и по мудрости своей: они вообще суть то, что каждый изъ нихъ частно, не отличаясь ничѣмъ другъ отъ друга, потому что всѣ взаимно подобны. Каждый Эонъ мужескаго пола переходить можетъ въ *Нуса*, въ *Слово*, въ *Человѣка*, въ *Филета*, а женскаго въ *Сиге*, въ *Церковь*, въ *Жизнь*, такъ что *Овидій* вѣрно отрекся бы отъ всѣхъ своихъ превращеній, когда бы зналъ гораздо чудеснѣйшія превращенія нашихъ временъ. И такъ всѣ Эоны соединены, упрочены и наслаждаются покоемъ посредствомъ *истины*: тогда среди восторговъ радости они прославляютъ отца хвалебными пѣснями. Отецъ самъ исполняется ве-

себя, слыша радостные клики сыновъ и впуковъ своихъ. Да и почему не восхищаться ему блаженствомъ, когда *Плеромъ* не имѣеть уже причины чего либо болѣться? Какой кормчій не веселится до безумія? Мы видимъ вседневно моряковъ, предающихся неумѣреннымъ и шумнымъ восторгамъ. Развѣ не видалъ ты матросовъ, трепещущихъ отъ удовольствія, при видѣ обѣденнаго стола, въ снабженіи котораго яствами каждый изъ нихъ участвовалъ? Нѣчто подобное происходитъ и между Эонами. Будучи смѣшаны все вмѣстѣ по своему образу, а паче по чувству, и видя присоединяющихся къ нимъ новыхъ братьевъ и новыхъ властителей, каковы *Христосъ* и *Духъ Святый*, они вносятъ въ общину все то, что у кого есть лучшаго и превосходительшаго; или, можетъ быть, я и ошибаюсь: такъ какъ все они суть одно и тоже по причинѣ упомяутаго предъ симъ ихъ равенства, то я неправильно сравнилъ ихъ съ обѣденнымъ столомъ, именуемымъ у нихъ *Символомъ*, котораго главное достоинство состоитъ въ разнообразіи. Все они приносятъ въ общину одно и тоже благо, самихъ ихъ составляющее.

Не худо можетъ быть разсмотрѣть способъ или образъ таковаго общаго ихъ равенства. Изъ денегъ, отъ многихъ (еретиковъ) поступающихъ, судя по надписямъ, они сооружаютъ въ честь и славу Отца блестящую звѣзду *Плерома*, и тутъ же приобщаютъ Иисуса, именуя его *Сотеромъ*, *Христомъ* и родоначальнымъ *Словомъ*, въ подражаніе вѣроятно устарѣлымъ названіямъ птицы сои *Езоповой*, папдоры *Гезіодовой*, драгоценнаго блюда *Акціева*, лѣкарства *Несторова*, всякой всячины *Итолomesовой*. Не легче ли бы было симъ безумнымъ выдумщикамъ именъ, по примѣру Аоннянъ въ нѣкоторыхъ зрѣлищахъ, назвать это *Пан-*

карномъ (звѣроборствомъ)? Но чтобы придать болѣе вышшняго блеска великолѣпному идолу своему, они включаютъ въ число спутниковъ его еще и Ангеловъ. Они равны *Сотеру*. Но если они единосущны съ *Сотеромъ* (на этотъ счетъ ясно не говорятъ): то какъ онъ можетъ возвышенъ быть надъ равными себѣ?

XIII. Первый разрядъ Эоновъ содержитъ въ себѣ первое нхъ происхожденіе: они раждаются, женятся и производятъ дѣтей. Сюда принадлежатъ: опасныя приключенія *Софии*, жаждущей познать отца; пособіе *Горуса*, явившагося кстати ей на помощь; очистительная жертва *Энтимезисъ* и спутницы ея *Страсти*; поученія Христа и Духа Святаго; охранительное прообразование Эоновъ; украшенія *Сотера*, уподобляющіяся павлинымъ перьямъ, и наконецъ Ангелы, стражи его, хотя и равны ему. Чтожъ потомъ, спросишь ты? Рукоплещи, и выходи изъ театра; или лучше выслушай, что мнѣ еще остается сказать, и заяви впередъ презрѣніе свое ко всему сему.

Надобно знать, что все то, о чемъ доселѣ говорено, происходило въ округѣ *Плерома*: это первое явленіе трагедіи. Второй актъ исполняется внѣ завѣсы, отдѣляющей сцену, я хочу сказать, внѣ *Плерома*, если впрочемъ справедливо то, что дѣйствовать въ присутствіи отца и въ предѣлахъ надзора *Горуса*, значитъ имѣть свободное движеніе внѣ Бога или тамъ, гдѣ Его нѣтъ.

XIV. *Энтимезисъ* или *Ахамоть* (новое данное ей имя, значеніе котораго не опредѣлено), будучи вмѣстѣ съ неразлучною спутницею своею *Страстію*, сослана въ мѣста, удаленныя отъ свѣта, состоящія одинакожъ въ области *Плерома* и напоминающія пустоту Эпикурову, *Энтимезисъ* бѣдствуетъ среди самаго мѣста своего изгнанія. Она по прежнему не имѣетъ ни об-

раза ни вида, будучи произведеніемъ незрѣлымъ и уродливымъ. Когда все это такъ происходило, *Христость*, убѣжденный вышшими *Зонами*, сводится на землю *Горусомъ*, дабы силою своею усовершенить такое недостаточное произведеніе, даровавъ ему однакожь образъ только сущности, а не вѣданія, котораго впрочемъ частичка ей досталась, потому что она сохранила запахъ нетлѣнія, предъувѣдомившій ее о несчастіи ея, и побудившій ее желать превосходнѣйшихъ даровъ. *Христость*, исполнивъ этотъ подвигъ милосердія при содѣйствіи *Духа Святаго*, возвращается въ *Плеромъ*.

Обычай приписываетъ вещамъ имена, напоминаящія избавителя. *Энтимезисъ* по происхожденію своему есть пожеланіе. Но откуда взялась *Ахамоть*? До сихъ поръ еще подлежитъ это розысканію. *Софія* происходитъ отъ отца, а *Духъ Святый* отъ Ангела, бывшаго во *Христѣ*, въ удаленіи отъ котораго *Энтимезисъ* почувствовала пожеланіе. Посему-то она и устремилась искать свѣта. Если она совѣмъ не знала *Христа*, потому что дѣйствіе его было невидимое: то какимъ образомъ могла она искать свѣта, который ей столько же былъ неизвѣстенъ, какъ и виновникъ его? Но она на то покусилась, и можетъ быть ей и удалось бы успѣть въ томъ, если бы тотъ же самый *Горусъ*, который столь счастливо помогъ матери ея, не противосталъ по несчастію дочери, и не закричалъ ей: *Іао*, подобно какъ бы кто сказалъ: *назадъ, Римляне*, или же: *заклинаю васъ именемъ Кесаря*. Вотъ откуда происходитъ слово *Іао*. *Энтимезисъ*, остановленная въ своихъ исканіяхъ, не имѣя возможности достигнуть до *Креста*, то есть, до *Горуса*, потому что никогда не играла никакой роли въ *Лавреомъ*, Котуловой трагедіи, и предавшись наконецъ спутницѣ своей *Стра-*

сти, начала чувствовать всё ея мученія и угрызения: чувствовать *Печаль* отъ того, что не успѣла въ своемъ предпріятіи; чувствовать *Страхъ*, опасаясь лишиться жизни, какъ лишилась свѣта; чувствовать *Смятеніе* и *Невѣжество* свое. Съ нею не то было, что съ ея матерью. То была Эонъ; а ея положеніе тѣмъ плачевнѣе было, что она должна была бороться съ другимъ затрудненіемъ, я хочу сказать, съ *обращеніемъ* ея посредствомъ *Христа*, чрезъ котораго она была воззвана къ жизни и направлена къ сему обращенію.

XV. Пивагорейцы, Стоики, и ты, *Платонъ*, познайте наконецъ, откуда матерія, признанная вами самородившеюся, получила свое происхожденіе и существованіе въ сей обширной громадѣ вселенной, познайте таинство, котораго и самъ *Меркурій-Трисмегистъ*, глава всёхъ естествоиспытателей, не могъ проникнуть. Ты сей часъ только слышалъ слово *Обращеніе*, другой родъ *Страсти*. Отъ него-то, какъ иные увѣряютъ, образовалась душа міра сего, душа *Деміурга*, то есть, душа Бога нашего. Выше приведены *Печаль* и *Страхъ*: отъ нихъ порождены всё творенія. Масса водъ произошла отъ слезъ *Ахамоты*. Можешь себѣ представить огромность ея бѣдствія отъ множества водъ, истекшихъ изъ глазъ ея. Изъ нея лились воды и соленыя, и горькія, и сладкія, и теплыя, и холодныя, и сѣрыя, и желѣзныя, и селитренныя, и ядовитыя, такъ что отъ нихъ вѣроятно заимствовала ядъ свой источникъ *Нонакрисъ*, умертвившій *Александра*, и произошли источники *Липцестъ* и *Салмацисъ*, изъ которыхъ одинъ производитъ пьянство, а другой обезсиливаетъ мужество. *Ахамотъ* также извела съ неба дожди, испуская вопли: это стороннія горести и слезы наши, которыя хранимъ мы въ водоемахъ. Равнымъ образомъ и тѣлесныя стихіи извлечены изъ ея же смущен-

нія и робости. Между тѣмъ среди безмѣрнаго своего уединенія, будучи оставлена отъ всѣхъ, она отъ времени до времени улыбалась, вспоминая свиданіе свое со *Христомъ*, и отъ радостной улыбки ея отражался свѣтъ. За чѣмъ заставлялъ ее улыбаться этотъ благотворный даръ Провидѣнія? Не для того ли, чтобы человѣкъ жилъ здѣсь на землѣ не всегда во тьмѣ? Не удивляйся, что изъ веселія ея истекла столь свѣтлая стихія, потому что и изъ ея печали произошелъ для міра столь необходимый дѣятель. О смѣхъ освѣщающій! О слеза орошающая! *Ахломъ* однакожъ имѣла врачевство противъ жестокости своего положенія. Каждый разъ, когда хотѣла она разогнать мракъ своего заточенія, ей стоило только улыбнуться, чтобы по крайней мѣрѣ не прибѣгать къ тѣмъ, которые ее оставили и отвергли.

XVI. Послѣдую материнскому примѣру, она рѣшилась обратиться къ молитвѣ. Но *Христосъ*, которому видно не захотѣлось въ другой разъ оставить *Иерома*, поручилъ *Параклету* заступить свое мѣсто. Въ слѣдствіе того онъ посылаетъ къ ней *Сотера* или *Исуса*, которому отецъ предоставилъ полную власть надъ всѣми *Эонами*: онъ даровалъ ему силу заставлять *Эоновъ* приводить въ исполненіе свои законы, дабы, по словамъ Апостола, *все въ немъ обновлено было*. Онъ послалъ его къ *Ахломъ* въ сопровожденіи ангеловъ, которые родились вмѣстѣ съ нимъ. Нельзя ли тутъ подумать, что передъ нимъ несено было двѣнадцать пучковъ палокъ? *Ахломъ*, испугавшись окружавшей его пышности, надѣваетъ на себя покрывало, увлеченная сперва чувствами почтенія и скромности: потомъ всматривается въ него и въ его спасительное сіяніе. Она къ нему приближается, получивъ отъ него надлежащую къ тому силу, и восклицаетъ: радуй-

ся, Господи! Тогда онъ ее пріемлетъ, укрѣпляетъ ее, къ первому ея образу присовокупляетъ образъ вѣдѣнія, и избавляетъ ее отъ всѣхъ скорбей *Страсти*, которую изгоняетъ изъ нея тщательнѣе, нежели какъ поступилъ прежде въ отношеніи къ несчастіямъ ея матери. Потомъ собравъ во едино всѣ эти застарѣлыя и отъ времени усилившіяся пороки, и составивъ изъ нихъ твердую массу, онъ раздѣлилъ ихъ такъ, чтобъ они могли произвести тѣлесное вещество (матерію); а безтѣлесную *Страсть*, не отдѣльную отъ *Ахамоты*, заставилъ проникнуть немедленно въ сопротивныя сущности тѣль, такъ что изъ того произошли два рода сущностей: сущности злыя, родившіяся отъ пороковъ, и сущности, подверженныя страстямъ, которыя породило *обращеніе*. Таково происхожденіе вещества или матеріи, которое между прочимъ вооружило насъ противъ *Гермогена* (*) и противъ всякаго, кто утверждаетъ, что Богъ сотворилъ міръ съ пособіемъ матеріи, а не изъ ничего.

XVII. *Ахамотъ*, освободясь отъ бѣдствій своихъ, болѣе и болѣе преуспѣваетъ и приноситъ вящшіе плоды. Пламенѣя во всемъ своемъ существѣ радостію, что могли избѣгнуть злополучія своего, и входя въ нѣкоторый родъ броженія отъ созерцанія Ангельскаго свѣта (постыдно такъ говорить, но иначе нельзя изъясниться), она влюбляется внутри себя въ Ангеловъ, и посредствомъ духовнаго зачатія чувствуетъ утробу свою воздымающеюся предъ симъ призракомъ, который сила ея восторговъ и радость сластолюбиваго похотѣнія поселили и такъ сказать впечатлѣли въ ея сердце. Она наконецъ раждаетъ. Съ тѣхъ поръ явились три сущности, происшедшія отъ трехъ при-

(*) Смотри слѣдующую двадцать первую статью.

чигъ: первая матеріальная, родившаяся отъ *Страсти*; вторая душевная или животная, которая была дочерью *обращенія*; третья духовная, истекшая отъ *воображенія*.

XVIII. Сдѣлавшись болѣе способною къ дѣйствию посредствомъ трехъ своихъ дѣтей, она предприимлетъ трудъ усовершенствовать каждый изъ сихъ родовъ. Но она не могла достигнуть того въ отношеніи къ духовной сущности, хотя сама была духовнаго свойства; ибо природа не позволяетъ равнымъ и однороднымъ существамъ дѣйствовать другъ на друга взаимно. Въ семь памѣреніи она ограничиваетъ усилія свои надъ душевною или животною сущностію, по приведеніи въ дѣйствіе законовъ *Сотеровыхъ*. И во первыхъ (о богохульство, котораго ни изречь, ни прочесть, ни услышать безъ содроганія нельзя!) она производитъ нашего Бога, Бога всѣхъ вообще людей, исключая еретиковъ, Отца, Создателя, Царя всѣхъ существъ, въ послѣдствіи уже явившихся. Всѣ они дѣйствительно происходятъ отъ Него, а отнюдь не отъ *Азамоты*, при содѣйствіи которой якобы Онъ, Самъ не вѣдая какъ, втайнѣ и подобно автомату, извнѣ побуждаемому, двигался при каждомъ изъ Своихъ произведеній. Но причинѣ таковой путаницы въ дѣйствующихъ лицахъ, еретики придаютъ сему Богу сложное имя *Метропатора*, тогда какъ всѣ другія Его наименованія отличены сообразно свойству и устройству Его дѣяній, такъ что въ отношеніи къ одушевленнымъ сущностямъ, располагая ихъ на правую сторону, они называютъ Его *Отцемъ*, а въ отношеніи къ матеріальнымъ сущностямъ, отлагая ихъ по лѣвую сторону, именуютъ Его *Деміургомъ*; когда же дѣло идетъ объ общемъ управленіи, то приписываютъ Ему названіе *Царя*.

XIX. Но знаменованіе именъ не согласуется даже съ знаменованіемъ дѣяній, отъ которыхъ имена происходятъ, потому что всѣ эти дѣянія должны бы были носить имя той, которая ихъ сотворила, развѣ только, когда не она ихъ произвела. Да и въ самомъ дѣлѣ говоря, что *Ахамотъ*, желая воздать честь *Эонамъ* начертала въ умѣ своемъ ихъ образы, еретики лишаютъ ее сей славы, относя ее къ первоначальному ея виновнику *Сотеру*, котораго была она только орудіемъ, такъ что *Сотеръ* собственно вперилъ въ нее невидимый и невѣдомый образъ отца и такой же образъ *Деміурга*, и онъ же преподалъ ей понятіе о *Нусъ-Деміургъ*, сынѣ его, въ то время, какъ *Архангелы*, произведенные *Деміургомъ*, были представителями всѣхъ другихъ *Эоновъ*. Видя столько образовъ, исходящихъ изъ трехъ существъ, я спрашиваю тебя, какъ мнѣ не посмѣяться надъ образами столь безумнаго живописца. Какъ! Женщина *Ахамотъ* образъ отца! *Деміургъ* не вѣдаетъ матери, а тѣмъ паче отца своего! Образъ *Нуса*, который также отца своего не знаетъ! Ангелы, которые суть служители, становятся представителями своихъ властителей! Вотъ что называется срисовать лошака по образцу осла, или написать портретъ *Птоломея* по портрету *Валентина*.

XX. *Деміургъ*, находясь виѣ предѣловъ *Плерома*, и погрузясь въ юдоль вѣчнаго своего заточенія, создалъ новую провинцію или имперію, міръ сей, образовавъ его изъ душевныхъ или животныхъ и матеріальныхъ существъ, но прежде изгналъ оттуда хаосъ и привелъ въ порядокъ разнообразіе сей двойственной сущности. Изъ безтѣлесныхъ сущностей творитъ онъ тѣла тяжелыя, легкія, нисходящія и восходящія, небесныя и земныя; потомъ собственнымъ сѣдалищемъ своимъ увѣнчиваетъ семь ярусовъ неба: отсюда получилъ онъ

название *Субботы* по причинѣ *седмерицы* его обиталица; отсюда также мать его *Ахамотъ* наименована *Осмерицею* (*ogdoas*) по примѣру первородной *Осмерицы*. Что касается до небесъ: то еретики приписываютъ имъ умъ, а иногда творять изъ нихъ *Ангеловъ* и самаго даже *Деміурга*. *Рай* есть четвертый ихъ *Архангелъ*, потому что они ставятъ его выше третьяго неба. Адамъ сохранилъ въ себѣ нѣчто отъ своей силы послѣ пребыванія на небѣ среди облаковъ и кустарниковъ. *Птоломей* не забылъ басней, рассказываемыхъ дѣтямъ, что въ морѣ случаются плоды, а на деревьяхъ рыбы. Вотъ почему онъ помѣстилъ на высотахъ неба вертограды. *Деміургъ* дѣйствуетъ слѣпо; а потому вѣроятно и не знаетъ, что деревья не могутъ расти нигдѣ, кромѣ земли. Мать вѣдала о томъ несомнѣнно. Почему же она не вразумила его на этотъ счетъ, образуя его понятія? Воздвигая для сына своего столь обширную имперію посредствомъ дѣяній, провозгласившихъ его отцемъ, богомъ и царемъ, почему не хотѣла она, чтобъ эти дѣянія были ему извѣстны? Я буду разсуждать о семъ въ послѣдствіи.

XXI. Между тѣмъ надобно знать, что *Софія* также наименована *Землею* и *Матерью*, какъ бы кто сказалъ: *Мать-Земля*, и еще смѣшнѣе: *Духъ Святый*. Еретики воздали женскому сему существу всѣ почести, дали безъ сомнѣнія ему и бороду, не говоря о прочемъ. За симъ *Деміургъ* по природной своей слабости, будучи не иное что, какъ душевное или животное существо, такъ мало умѣлъ посредствомъ познаній своихъ возвышаться къ духовнымъ вещамъ, что, считая себя только однимъ въ мірѣ, говорилъ самъ себѣ такъ: «я Богъ и нѣтъ инаго, развѣ мене.» Однакожъ онъ зналъ, что прежде самъ онъ не существовалъ. Онъ понималъ, что былъ сотворенъ или рожденъ, и что сотво-

ренное существо всегда должно имѣть себѣ Создателя, кто бы онъ ни былъ. По какому же поводу можно было ему заключить, что онъ только одинъ въ мірѣ, если, не имѣя въ томъ точной увѣренности, онъ могъ подозрѣвать, что существуетъ какой либо Создатель?

XXII. Охотнѣе прощаю я еретикамъ безразсудное ихъ заключеніе о *діаволѣ*, судя по низости происхожденія его. Они полагаютъ, что онъ родился отъ жестокой печали, каковую чувствовала *Ахаметъ*. Они приписываютъ одинакое происхожденіе и Ангеламъ и демонамъ и всѣмъ родамъ духовныхъ силъ злобы. Между тѣмъ утверждаютъ также, что *діаволъ* есть произведеніе *Деміурга*, именуютъ его *властителемъ* міра, и считаютъ, что онъ по духовной своей природѣ знаетъ высшихъ *Эоновъ* болѣе, нежели самъ *Деміургъ*, который весь душевнаго или животнаго свойства. Отецъ всѣхъ ересей (*діаволъ*) конечно заслуживаетъ въ полной мѣрѣ пользоваться отдаваемымъ ему въ семъ случаѣ преимуществомъ.

XXIII. Власть каждой изъ всѣхъ показанныхъ выше силъ еретики заключаютъ въ слѣдующихъ предѣлахъ. На самой высшей высотѣ находится *Плеромъ* съ своими тридцатью лицами, крайнія границы котораго бережетъ *Горусъ*. Подъ сею высотой занимаетъ промежуточное мѣсто *Ахаметъ*, попирающая ногами сына своего. Внизу подъ нею обитаетъ со своею *седмерицею* *Деміургъ* или лучше сказать *діаволъ*, житель совокупно съ нами міра сего, котораго каждая стихія, каждое тѣло, какъ выше упомянуто, произошли отъ тлетворныхъ злополучій *Софій*, такъ что *Духъ* никогда не имѣлъ бы пространства ни вдыхать, ни испускать воздуха, который есть какъ бы легкое облаченіе всѣхъ тѣлъ, оживотвореніе всякаго рода цвѣтовъ, и орудіе къ измѣренію времени, если бы горестъ *Софій*

не породила нѣкоторыхъ мѣлкихъ для того крупнокъ, подобно какъ *страхъ* ея произвелъ животныхъ, а также произвелъ собственное ея *обращеніе* и самаго даже *Деміурга*. Во всѣ эти стихіи, во всѣ эти тѣла, вдунуть былъ огонь. А какъ они не объяснили еще, что такое есть первоначальная *страсть*, произведеніе ихъ *Софіи*: то я полагаю, что изъ ея судорожныхъ движеній и хлынулъ этотъ огонь. Весьма вѣроятно, что она отъ жестокихъ своихъ мученій одержима была трясавицею.

XXIV. Послѣ подобныхъ мечтаній о Богѣ, или о богахъ, какихъ нелѣпостей надобно ожидать, когда рѣчь дойдетъ до человѣка? *Деміургъ*, производя міръ, приступилъ и къ сотворенію человѣка. «Для сущности его, говорятъ они, онъ не избралъ какой либо «части той суши, которую мы признаемъ за землю «(какъ будто бы она хотя бы и не была послѣ сущности, не находилась въ персти, оставшейся послѣ «раздѣленія водъ): но заимствовалъ для сего изъ невидимаго тѣла философской матеріи то, что въ ней «было влажнаго и текучаго.» Откуда произошло это влажное и текучее? Не могу того придумать потому, что оно нигдѣ не существуетъ. Если это суть два свойства жидкости, и если всякая жидкость произошла отъ слезъ *Софіи*: то мы должны заключить, что эта персть образовалась отъ слизи и клейной влаги *Софіи*, потому что это суть, если угодно, дрожжи слезъ, такъ какъ то, что извергается, составляетъ персть водъ. Такимъ-то образомъ *Деміургъ* творитъ человѣка и оживляетъ его своимъ дыханіемъ. Отъ того человѣкъ становится земнымъ, душевнымъ или животнымъ, по образу и подобію *Деміурга*: становится четвернымъ твореніемъ. Какъ образъ, онъ почитается земнымъ, то есть, матеріальнымъ, хотя *Деміургъ* и не матеріаленъ. Какъ подобіе, онъ есть

душевного или животного свойства, которое принадлежит и *Деміургу*. Таковы первые два его вида. Потому сретили хотятъ, чтобъ эту земную организцію прикрывало плотское одѣяніе, а одѣяніе это есть оболочка кожи, подверженная чувствамъ.

XXV. *Ахамотъ* отъ сущности матери своей *Софіи* сохранила частичку духовнаго сѣмени, подобно какъ и сама удѣлила нѣсколько его крохъ сыну своему *Деміургу*, но такъ, что этотъ того и не знаетъ. Къ чему такая скрытная предосторожность? Послѣ узнаемъ. *Ахамотъ* вложила и утаила сѣмя это для того, что когда *Деміургъ* будетъ передавать душу свою *Адаму* силою своего дыханія, то въ то же время духовное это сѣмя могло бы перелиться посредствомъ того же канала въ земнаго человѣка, и вселясь въ матеріальное его тѣло, какъ бы въ какую матку, гдѣ бы могло переработаться и созрѣть, сдѣлалось способнымъ воспріять иѣкогда всесовершенное Слово. И такъ когда *Деміургъ* совершалъ изліяніе души своей въ *Адама*: то духовный человѣкъ вмѣстѣ съ симъ дыханіемъ тайно вошелъ и вселился въ это тѣло, потому что *Деміургъ* не зналъ ни сѣмени своей матери, ни самой матери своей. Это сѣмя называютъ они *Церковію*, образомъ *Церкви* свыше, колыбелью человѣка. Они производятъ сѣмя его изъ праха или пепла *Ахамоты*, равно какъ изъ *Деміурга* извлекаютъ все душевное или животное, изъ первородной сущности все земное, изъ матеріи всякую плотъ. Вотъ тебѣ новая четверица *Геріонова*.

XXVI. Каждой сущности они полагаютъ слѣдующій конецъ: сущности матеріальной, то есть, плотской, которая именуется ими также лѣвою стороною, неизбѣжную смерть; сущности душевной, или животной, называемой ими для отличія стороною правою,

смерть сомнительную; ибо волнуясь между духовною и матеріальною сущностію, она должна пасть туда, куда наиболѣе склонялась. Впрочемъ они увѣряють, что и духовная сущность входитъ въ составъ сущности душевной, или животной, дабы сія послѣдняя могла быть наставляема отъ своей подруги, и образоваться, собесѣдуя съ нею. Душевная, или животная сущность имѣла недостатокъ въ познаніи чувствительныхъ вещей. Для сего-то порождены были феномены въ мірѣ. Для сего-то и *Сотеръ* принялъ въ мірѣ душевную или животную форму, то есть, съ тѣмъ, чтобы спасти сущность душевную или животную; но еретики, увлекаясь другими нелѣпыми предположеніями, хотятъ, чтобъ онъ заимствовалъ нѣчто отъ всѣхъ трехъ сущностей для спасенія ихъ вообще, такъ что отъ *Ахамоты* получилъ духовную сущность, а отъ *Деміурга* пріялъ душевнаго или животнаго Христа, въ котораго вскорѣ и облекся. Между тѣмъ, будучи тѣлеснымъ, потому что происходилъ изъ душевной или животной сущности, но имѣя составъ, устроенный съ удивительнымъ и неизреченнымъ искусствомъ въ отношеніи къ приведенію въ дѣйствіе подлежаващаго ему подвига, онъ (*Сотеръ*) долженъ былъ вооружиться необыкновеннымъ великодушіемъ, чтобы противъ воли сблизиться съ людьми, быть отъ нихъ видимымъ и осязаемымъ, и наконецъ умереть. Но Впрочемъ ничего въ немъ не было матеріальнаго, потому что матерія исключена изъ спасенія, какъ будто бы она нужна была кому либо другому, кромѣ лишившихся спасенія. Но къ чему служатъ эти мечтанія? Къ тому, чтобы Валентиніане, отказывая Иисусу-Христу въ нашей плоти, могли отнять у насъ и надежду на спасеніе.

XXVII. Оканчиваю разсужденіе относительно ихъ

Христа. Иные прививаютъ къ нему еще *Иисуса* съ такою же наглостію, съ какою духовное сѣмя вводятъ въ сущность душевную, или животную, подкрѣпляя ее божественнымъ дыханіемъ: это настоящее скопище безразсудствъ, разглашаемыхъ ими на счетъ людей и на счетъ своихъ боговъ. Они дѣйствительно хотятъ, чтобы *Деміургъ* имѣлъ также своего *Христа*, сына, рожденнаго имъ изъ собственной сущности. «Онъ со-творилъ его, говорятъ они, душевнаго или животнаго «свойства: это тотъ самый, который возвѣщенъ Пророками; бытіе его составляетъ вопросъ предложный, то «есть, что онъ рожденъ *чрезъ дѣву*, а не *отъ дѣвы*, «потому что вошедши въ дѣву, онъ прошелъ чрезъ нее, а не изшелъ изъ нея по законамъ дѣторожденія, что онъ чрезъ сей каналъ только перешагнулъ, «а не родился, и что дѣва была не матерью его, а «онъ воспользовался ею, какъ бы какимъ проѣзжимъ «путемъ. Тогда *Сотеръ* въ видѣ голубя снизошелъ на «сего *Христа* при совершеіи таинства крещенія. Въ «*Христвѣ* сѣмя находилась притомъ приправа Духовнаго сѣмени отъ *Ахамоты*, вѣроятно для предупрежденія всякой порчи отъ посторонней примѣси.» Они придаютъ ему для подкрѣпленія четыре сущности по примѣру верховной *четверицы*: сущность *Ахамоты* или духовную, сущность *Деміурга* или душевную или животную, сущность *тѣлесную* или неизреченную, и наконецъ сущность *Сотерову*, то есть, голубиную. Отпосительно *Сотера*, онъ пребылъ до конца во *Христвѣ*, будучи безстрастнымъ, неприкосновеннымъ, недоступнымъ на счетъ всякаго рода оскорбленій. Какъ же скоро приступлено было къ насильственнымъ противъ *Христа* дѣйствіямъ: то *Сотеръ* отъ него удалился на все время производства *Пилатова* суда. Слѣдовательно сѣмя матери не подверглось оскорбленіямъ, и бы-

ло изъято отъ нихъ, будучи невѣдомо и самому *Деміургу*. Страдалъ одинъ душевный или животный, одинъ плотскій *Христосъ*, уподобляясь тому высшему *Христу*, который для произведенія *Ахамоты* распятъ былъ на *крестъ*, то есть, на *Горусь* подъ видомъ хотя и существеннымъ, но не подверженнымъ чувству. Вотъ какъ они обезображиваютъ наши догматы, считаясь мнимыми Христіанами.

XXVIII. Между тѣмъ *Деміургъ*, совершенно не зная, гдѣ самъ находится, хотя и долженъ будетъ нѣкогда возвѣщать нѣчто чрезъ своихъ Пророковъ, безъ всякаго однакожъ о томъ понятія (еретики приписываютъ даръ пророчества отчасти *Ахамотъ*, отчасти сѣмени, отчасти *Деміургу*), *Деміургъ*, говорю, какъ скоро привѣдалъ о прибытіи *Сотера*, тотчасъ торжественно выходитъ къ нему на встрѣчу со всѣми своими силами, какъ какой либо евангельскій сотникъ. Будучи отъ него наставленъ во всѣхъ предметахъ, онъ узнаетъ отъ него также и о той надеждѣ, что предназначенъ онъ заступитъ мѣсто своей матери. Съ тѣхъ поръ, обезпеченный въ своемъ существованіи, онъ продолжаетъ управлять симъ міромъ, доколѣ надобность востребуетъ, хотя бы то было только для того, чтобы покровительствовать церкви.

XXIX. Въ заключеніе я изложу здѣсь и то, что они разглашаютъ о составѣ рода человѣческаго. Объявивши, что природа первоначально была тройственная, но во всѣхъ видахъ соединялась въ *Адамъ*, они оканчиваютъ тѣмъ, что раздѣляютъ ее на три рода съ особыми свойствами, заимствуя поводъ къ тому отъ самаго потомства *Адамова*, раздѣлившагося также на трое по своимъ нравственнымъ качествамъ. *Каинъ*, *Авель* и *Сивъ*, какъ нѣкоторымъ образомъ источники рода человѣческаго, становятся для нихъ тремя ручья-

ми природы и особыхъ сущностей. Они присвоиваютъ *Каину* земную сущность, изымаютъ отъ спасенія; *Авель* представляетъ душевную, или животную сущность, предопредѣленную для сомнительной надежды; въ *Сивѣ же* заключаютъ они духовную сущность, ожидающую неминуемаго спасенія. Они отличаютъ такимъ же образомъ и души по ихъ двойственному свойству добрыхъ и злыхъ, смотря потому, какую сущность воспріемлютъ онѣ, земную ли отъ *Каина*, душевную или животную отъ *Авеля*, или же духовную отъ *Сивы*. Сверхъ того не по праву природы, но въ качествѣ простаго благоволенія, они по временамъ низводятъ на землю ту росу, которую *Ахамотъ* поливаетъ съ небесъ на добрыя души, то есть, на души, находящіяся въ душевномъ или животномъ разрядѣ; ибо что касается до душъ земнаго рода, другими словами, до злыхъ душъ: то имъ въ спасеніи совершенно отказано. Они рѣшительно объявляютъ, что природа не терпитъ ни измѣненія, ни преобразованія. Въ добрыхъ душахъ зерно духовнаго сѣмени бываетъ сперва весьма мало и слабо, когда сѣется; но по мѣрѣ того, какъ оно развертывается, вѣра вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ, какъ выше примѣчено. Оно составляетъ основное начало превосходства сихъ душъ надъ другими, такъ что *Деміургъ* во время даже своего невѣжества питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. Въ росписяхъ сихъ душъ обыкновенно выбиралъ онъ имена царей и первосвященниковъ. Если души эти пріобрѣтутъ полное и совершенное познаніе о подобныхъ нецѣлостяхъ, тогда, подчинясь симъ свойствамъ посредствомъ сродства духовнаго сѣмени, онѣ получаютъ несомнѣнное спасеніе, принадлежащее имъ по всеѣмъ правамъ.

XXX. Вообще еретики почитаютъ дѣла для себя

безполезными, и освобождаютъ себя отъ всякаго долга, признавая даже мученичество не нужнымъ, неизвѣстно подъ какимъ пустымъ предлогомъ. Они хотятъ, чтобы правило это простиралось только на душевное или животное сѣмя, дабы мы, прочіе люди, посредствомъ достоинства дѣлъ пріобрѣтали то спасеніе, котораго не имѣемъ по преимуществу природы нашей. Мы-то находимся въ разрядѣ сего сѣмени и принадлежимъ къ несовершенной сущности, происходя отъ любовныхъ похожденій *Филета* и будучи исчадіемъ законопреступной матери. Но горе намъ, когда мы вздумаемъ свергнуть съ себя какое либо иго заповѣдей, когда не пребудемъ тверды въ дѣлахъ святости и правды, когда пожелаемъ свидѣтельствовать о вѣрѣ нашей въ другомъ мѣстѣ (неизвѣстно въ какомъ), а не предъ лицомъ властей сего міра и не предъ судомъ проконсуловъ! Что же касается до нихъ: то они присвоиваютъ себѣ полное благородство происхожденія чрезъ средство своевольства жизни своей и любви къ разврату. *Ахамотъ* обязана защищать всячески своихъ приверженцевъ, потому что самой ей такъ хорошо удалась ея безчинства. Говорятъ даже, что у нихъ для почести небесныхъ супружествъ, надлежитъ всегда вникать въ таинство брака и праздновать его, совокупляясь тутъ же съ подругою, то есть, съ женщиною. Впрочемъ кто въ мірѣ семъ живетъ, не любя женщины и не сопрягаясь съ нею, того почитаютъ они человѣкомъ выродившимся, ублюдкомъ истинны. Что же станется съ евнухами, которыхъ мы видимъ между ими?

XXXI. Остается побесѣдовать объ усовершеніи и о распредѣленіи наградъ. *Ахамотъ*, окончивъ жатву всего своего потомства, должна собрать ее въ свои житницы, или же, когда она, принеши это сѣмя на

мельницу и измолотивши въ муку, положить его въ особый ларь, гдѣ оно должно смѣситься и окиснуть, въ то время воспослѣдуетъ всеобщее усовершеніе. Тогда *Ахамоть*, оставя среднюю страну и второй ярусъ неба, переселится въ высочайшіе его предѣлы и войдетъ въ *Плеромъ*. Въ слѣдъ за тѣмъ *Сотеръ*, составленный изъ всѣхъ Эоновъ, приметъ ее и сдѣлается ея мужемъ: новое супружество, новая чета! Еще мужъ и жена въ *Плеромъ*! Иной право подумаетъ, что законы *Юлія* и *Кайя* (*) всегда сопутствовали Эонамъ при ихъ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Самъ *Деміуръ*, покинувъ свою поднебесную *седмерицу*, взойдетъ на высшій ярусъ, и возсядетъ за пустую трапезу матери своей, которую тогда хотя и будетъ знать, но видѣть ее не удостоится. Если это такъ: то лучше бы ему вѣчно остаться въ своемъ невѣжествѣ.

XXXII. Судьба рода человѣческаго слѣдующая. Кто имѣетъ знаменіе земное и матеріальное, всякой тотъ неизбѣжно подверженъ конечному истребленію, потому что всякая плоть подобно полевому злаку, и по системѣ еретиковъ самая душа должна умереть, исключая душъ, обрѣвшихъ спасеніе вѣрою. Души праведныя, то есть, наши перенесутся къ *Деміургу* въ селенія срединныя. Спасибо ереси. Но мы предпочитаемъ лучше обитать съ Богомъ напимъ, къ которому позволено намъ восходить. Никакая душевная или животная сущность не пріемлется въ чертоги *Плерома*, кромѣ духовнаго сонмища *Валентинова*. Тутъ уже люди, то есть, люди внутренніе, начинаютъ совлекаться. Совлекаться значитъ оставлять ду-

(*) Первый законъ противъ прелюбодѣйства, а второй о правахъ Римскаго гражданства.

ши, въ которыя казались они облеченными, и возвращать своему *Деміургу* тѣ души, которыя получены ими въ удаленіи отъ него. Тогда содѣлаются они душами чисто разумными, неосязаемыми, невидимыми, и въ семъ состояніи введены будутъ невидимо и таинственно въ *Плеромъ*.—А послѣ?—Они розданы будутъ Ангеламъ, спутникамъ *Сотера*.—Можетъ быть въ качествѣ сыновъ?—Нѣтъ.—Не для того ли, чтобы быть ихъ служителями?—Отнюдь нѣтъ.—Въ такомъ случаѣ для того, чтобы быть ихъ образомъ?—Далъ бы Богъ, чтобы они по крайней мѣрѣ того удостоились.— На какой же конецъ, если позволено спросить?—Для того, чтобъ эти души были ихъ супругами. Какова участь Ангеловъ? Они будутъ наслаждаться пріятностями брака, похитивъ и раздѣливъ между собою сихъ *Сабинокъ*.

Вотъ какая награда будетъ для духовныхъ людей: настоящее мздовоздаяніе за ихъ вѣру. Таково-то достоинство всѣхъ сихъ басень. По милости ихъ, какойнибудь *Маркъ*, *Кайй* или *Северъ*, взошедши на эту каеэдру нечестія, кто бы онъ ни былъ, мужъ, отецъ, дѣдъ или прадѣдъ, лишь бы былъ челоувѣкъ, можетъ войти въ брачный чертогъ *Плерома*, чтобы отъ Ангела родить (нельзя не краснѣть отъ стыда) какого либо образцоваго Эона. Когда эти супружества, законно совершаемыя при блескѣ свѣтильниковъ и подъ покровомъ багряницы, войдутъ въ обычай: то мнѣ кажется, что скрытый огонь, вспыхнувши, пожретъ всю сущность ереси, обратитъ въ прахъ и уничтожитъ все, что у нихъ имѣетъ жизнь; а потомъ и самъ исчезнетъ. Съ тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ басень уже не будетъ. Но что я, дерзкій, дѣлаю? Не довольно того, что обнаружилъ столь великое таинство, я еще смѣю издѣваться. Боюсь, чтобъ *Агамоть*,

скрывшая себя отъ собственного сына, не сошла отъ того съ ума. *Филетъ* вѣрно разсердится; *Фортуна* также наморщится. А между тѣмъ я, тварь *Демидурга*, долженъ по смерти моей возвратиться туда, гдѣ нѣтъ супружества, гдѣ вмѣсто совлеченія долженъ я на это тѣло надѣть одежду безсмертія, гдѣ, если и лишусь пола своего, но уподоблюсь Ангеламъ, гдѣ нѣтъ Ангеловъ ни мужескаго ни женскаго пола, гдѣ никто не станетъ ругаться надъ моимъ тѣломъ, которое восприметъ тогда мужественную свою силу.

XXXIII. Послѣ такой чудесной комедіи, я приведу теперь, въ видѣ какъ бы послѣдняго акта, особые предметы, отложенные мною донынѣ нарочно для того, чтобы не нарушить порядка повѣствованія и не развлечь вниманія читателя введеніемъ такихъ подробностей, съ которыми не согласуются даже и послѣдователи *Птолемея*. Дѣйствительно изъ школы его вышли ученики, самаго его превзошедшіе. Они назначили для *Битоса* двухъ женъ: *мысль* и *волю*. *Мысль* подлинно была для него недостаточна, потому что съ нею одною не могъ онъ ничего производить, вмѣсто того что съ помощью обѣихъ женъ всѣ произведенія могли удобно быть исполняемы. Первымъ плодомъ сего совокупленія были *Единородный* и *Истина*: истина, существо женское, создана по образу мысли, а единородный, существо мужеское, по образу воли. *Воля*, приводящая силою своею въ дѣйствіе понятія *Мысли*, взяла видно во власть свою мужескій полъ.

XXXIV. Другіе умники, болѣе почтительные, вспоминая о подобающей Богу чести, чтобъ избавить его отъ стыда имѣть даже и одну супругу, разсудили за лучшее не назначать *Битосу* никакого пола: можетъ быть даже почитаютъ они его за нѣчто междуумочное. Иные зашли еще далѣе. Они утверждаютъ, что Богъ

ИХЪ заключаетъ въ себѣ совокупно мужескій и женскій полъ, на тотъ вѣроятно конецъ, чтобы *Фенестелла*, толкователь лѣтописей, не воображалъ себѣ, что, кромѣ луны, нигдѣ нѣтъ гермафродитовъ.

XXXV. Есть и такіе, которые *Битосу* опредѣляютъ не первое, а второе мѣсто, ставя выше всего *осмерицу*, которую однакожъ производятъ отъ *четверицы*, только подъ другими именами. Первый изъ четверицы есть *Проархъ*, второй *Аиенность*, третій *Арретосъ*, четвертый *Аоратосъ*. Отъ *Проарха* въ первой и пятой степени произошелъ *Архей*, отъ *Аиенности* во второй и шестой степени *Акаталептосъ*, отъ *Арретоса* въ третьей и седмой степени *Анономастосъ*, и отъ *Аоратоса* или *Невидимаго* въ четвертой и осьмой степени *Агенитосъ*. Почему каждый изъ сихъ *Эоновъ* рождается въ двухъ различныхъ степеняхъ и въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи? Лучше о томъ не знать, нежели допытываться. Какая мудрость можетъ заключаться въ столь нелѣпыхъ выдумкахъ?

XXXVI. Гораздо благоразумнѣе поступаютъ тѣ, которые, отвергая эти плачевныя бредни, не хотятъ, чтобъ одинъ *Эонъ* служилъ ступенью для другаго, подобно *Гемонской* (*) лѣстницѣ, и производятъ однимъ махомъ эту *Осмерицу* подъ крыломъ отца и его *Эннеи*, то есть, его *Мысли*. Словомъ сказать, каждое имя соотвѣтствуетъ его движенію или мановенію. «Когда, говорятъ они, онъ мыслитъ о произведеніи, то по сей причинѣ именуется *отцемъ*; когда производитъ, то производя истинныя вещи, называется *истинною*; когда восхотѣлъ открыть себя, то получилъ имя *человѣка*. Тѣ, которыхъ онъ произвелъ, обдумавъ бы-

(*) Такъ называлось у Римлянъ мѣсто, откуда преступниковъ стаскивали въ Тибръ.

«тѣ ихъ въ мысли своей, тогда же названы *Церковію*. «*Человѣкъ* произнесъ *Слово*, и явился первородный «сынъ. Къ *Слову* присоединилась *Жизнь*, и первая «*Осмерица* совершилась.» Не правда ли, что все это не иное что есть, какъ глубокое безразсудство?

XXXVII. Выслушай другія открытія сего безумнаго человѣка, поруганнаго уже *Эниелъ*, сего знатнѣйшаго учителя изъ Сектаторовъ, который по присвоенной имъ себѣ власти первосвященника, провозгласилъ слѣдующее: «прежде всѣхъ вещей существовалъ *Проархъ*, невообразимый, неизяснимый, которому нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ. Я называю его *Менотесомъ*: съ нимъ пребывала другая сила, именуемая мною *Генотесомъ*. *Менотесъ* и *Генотесъ*, то есть, *Уединеніе* и *Единство*, будучи одно и то же, произвели, не производя, умственное и врожденное начало всѣхъ вещей, которое по Гречески называется *Монадея*. Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ единосущную силу, которая наименована *Союзомъ*. «Эти четыре силы: *Уединеніе*, *Особливость*, *Единство* и *Союзъ* породили всѣхъ прочихъ *Эоновъ*.» — Чудесное разнообразіе! Измѣни имена, и выйдетъ *союзъ* и *единство*, *удединеніе* и *особливость*; но какъ бы ты ихъ ни измѣнялъ, все будетъ одно и то же.

XXXVIII. *Секунда* былъ нѣсколько человѣколюбивѣе, потому что изъяснился короче. Онъ *Осмерицу* раздѣляетъ на двѣ *Четверицы*, на правую и лѣвую, на свѣтъ и тьму; онъ хочетъ только, чтобы несовершенная и незрѣлая сила происходила не отъ кого либо изъ тридцати *Эоновъ*, но изъ плодовъ отъ ихъ существей.

XXXIX. Какое между ими разногласіе на счетъ Господа нашего Иисуса-Христа? Одни полагаютъ Его происшедшимъ отъ всѣхъ *Эоновъ*. Другіе утвержда-

ютъ, что Онъ произведенъ только десятью, рожденными отъ Слова и Жизни: потому-то Слово и Жизнь на Немъ и остановили глаза свои. Нѣкоторые считаютъ Его плодомъ двѣнадцати Эоновъ, рожденныхъ отъ Человѣка и Церкви; а потому наименованъ Онъ и сыномъ человѣческимъ. Прочіе говорятъ, что Онъ произведенъ высшимъ Христомъ и Духомъ Святымъ, которыхъ долгъ пещись о сохраненіи всеобщности, и что Онъ по силѣ правъ Своихъ наследуетъ имя, носимое Отцемъ. Есть и такіе, которые вздумали приписать Сыну человѣческому особое происхожденіе, и, по причинѣ величія таинства имени Его, дерзнули и Самому Отцу дать имя человѣка. О безумецъ! Чего можешь ты ожидать отъ Бога, котораго ты дѣлаешь себѣ равнымъ?

Откуда берутся у нихъ подобныя выдумки? Безъ сомнѣнія отъ нечистаго сѣмени ихъ матери. Такимъ-то образомъ ученіе Валентиціанъ, непрерывно распространяясь и преувеличиваясь, исчезаетъ наконецъ въ дремучемъ сумракѣ Гностиковъ.

